

Сергей КУЗИЧКИН

Красноярск

Главный редактор «Нового Енисейского литератора».

ОТКОС

Глава из романа

Продолжение. Начало в «НЕЛ» №№ 1 – 2/2017, 4 – 5/2018, 1, 3 – 5/2020, 1 – 4/2021, 2 – 5/2022, 1/2023, 1/2024

Путевой обходчик

Радоваться и печалиться

Мы лишь вспоминаем прошлое; мы не узнаём его при встрече. Мысль возвращается назад, но время идёт вперёд, и все прощания — навсегда.

*Альфред Бестер,
американский писатель,
редактор и журналист*

1.

Неожиданный гудок электровоза заставил обходчика вздрогнуть и повернуться. Он интуитивно отступил на край обочины, хотя поезд шёл по другому пути, догоняя и обгоняя его.

Обходчик остановился, глядя на проходящий на большой скорости состав. Он не успел заметить, махнул ли ему из окна машинист, и на всякий случай помахал вслед электровозу.

Обходчика беспокоило то, что уже не в первый раз вот так неожиданно он пропускает поезд и тот буквально выныривает у него из-за спины. Он подумал, когда это случилось во второй или в третий раз, что его стал подводить слух. Годы идут, а он

не молодеет. Но на очередной медкомиссии в железнодорожной поликлинике врач, проверяя его, с улыбкой сказал, что слышит он лучше любого двадцатилетнего паренька. И зрение его не подводило. Ни разу в жизни он не надевал очков и не знал, как это делается. Как-то племянник, сын брата из города Зима, привёз ему в подарок солнцезащитные очки, но он их примерять отказался и отдал потом студенту Вовке Сапрунову, когда тот заходил к нему перед отъездом в Иркутск. «Рассеянным я стал, вот что, — сделал сам себе заключение после обследования в поликлинике обходчик, — стал чаще задумываться, меньше смотрю по сторонам, любопытства поубавилось...»

А ещё подумал он о том, что если бы была жива его младшая сестра, то, узнав про то, что он «проворонил» поезд, сделала бы ему замечание: «Ты давай, брат, будь там повнимательнее. Железная дорога шутить не любит».

Сестра...

Сколько лет её уже нет в живых, а ему иногда кажется, что придёт он сейчас домой после обхода и услышит, как гремят на кухне чугушки кастрюли и тарелки. Это сестра готовит ужин, распаривает комбикорм для поросят. Поросят он уже давно не держит и гремит кастрюлей, сковородой и тарелками вечерами сам. Но удивительно: чем больше проходит времени, тем чётче и яснее он вспоминает лица своих родных — отца, матери, сестёр, зятя, брата, племянников. Хорошо помнит, как они говорили, как ходили, как сидели за столом. Когда ему не спится и нет охоты смотреть телевизор, он ложится на кровать, закрывает глаза и представляет своих ушедших родственников. Говорит с отцом, матерью, но чаще с младшей сестрой. Говорит сам и отвечает за них. Говорит уверенно, как с живыми, и слышит в ответ их голоса. Рассказывает им о днях сегодняшних и слушает их советы ему. И хотя он сам произносит слова за них, до слуха его доносятся интонации их голосов. Их вздохи, покашливания. Он улавливает паузы, которые часто делал в разговорах отец, торопливость и взволнованность в словах матери, рассудительность и неспешность в речи младшей сестры. Обходчик уверен: лица и голоса его родных будут с ним, пока он будет жив сам. А сколько всё это будет длиться и сколько ему ещё осталось жить и ходить по своему участку Восточно-Сибирской железнодорожной магистрали, об этом он не хочет думать. Бывает, что нахлынут на

него не весёлые мысли о смысле жизни, но он быстро отгоняет их. Он действительно считает, что в смысле жизни он ничего не смыслит, и если ему отведено ещё время жить и делать своё дело, он будет жить и делать. А что будет дальше, всё равно никто не знает. А раз так, то и гадать и предполагать нет смысла.

Да особенно и некогда ему гадать и предполагать. Он встаёт утром, чуть забрезжит рассвет за окном, собирается на обход, идёт в контору или сразу на участок, в зависимости от погоды и дня недели. Иногда только вечером заходит в контору станции. Там всегда есть дежурный. Сколько их — и дежурных, и начальников станции — сменилось у обходчика за время его работы, сосчитать, наверное, можно, но тоже ни к чему. Сколько было у него начальников — мастеров и бригадиров пути, с которыми он работал. Некоторые прошли не очень заметно, другие запомнились.

Вот сейчас новое начальство и на станции, и в службе пути. Он с ними почти не имеет дела. В основном: «Здравствуйте!», «До свидания!», «Всё на участке в порядке» или «На таком-то околотке хорошо бы шпалы под рельсами заменить, в таком-то и таком-то месте». Иногда он докладывает лично начальнику дистанции или старшему мастеру, но если ситуация не критичная, то записывает замечания в путевой журнал и передаёт дежурному. Так вот у него всю жизнь и получается, что относится он по своей должности к путевым, но чаще общается с дежурным по станции или начальником вокзала. «Всё на железной дороге взаимосвязано, и нет второстепенных ролей, — вспоминает он часто слова инженера, что наставлял его в начале трудового пути. — Сделает ошибку дежурный по станции, а последствия будут у машиниста и всей железной дороги, недосмотрит путевой обходчик — опять же на всех службах это отразится». Думал сначала обходчик, что пугал иногда его, молодого, начинающего, опытный железнодорожник. Такие страсти о крушениях поездов рассказывал, что хотелось, было дело, обходчику сменить работу и уйти рабочим в бригаду. Но это были короткие, минутные сомнения. Работа его ему нравилась, и он не хотел другой. А что до того инженера, то он делал правильно: приучал его к ответственности с самого начала — и приучил. Ни одного серьёзного происшествия, повлёкшего аварию, на его участке не было.

Часто вспоминал он этого, в общем-то, доброго человека, жившего и работавшего с ним почти век назад, ещё при царском

режиме. И сейчас помнит его лицо: иногда хмурое, но чаще добродушное. Помнит он лицо и соседа, инженера Григория Васильевича, и жены его Анны — «барыньки Нюры», как прозвали её сёстры обходчика. И детей их — Николая и Полину. Помнит их детьми и помнит взрослыми. Заслуженного железнодорожника страны, директора Дома культуры Николая Григорьевича и его сестру Полину Григорьевну, вышедшую замуж за сына ссыльного поляка. И их детей — Николая, Евгения, Александра. Особенно неразлучных в детстве и юности двоюродных братьев Кольку и Сашку — Николая Николаевича и Александра Александровича впоследствии. Помнит их жён — молоденькими девчушками и уже зрелыми женщинами, помнит их детей. Хотя детей Николая и Александра он помнит маленькими, школьниками, а вот какими они стали сейчас, он не знает и, встретив их случайно на вокзале, скорее всего не узнает и пройдёт мимо. Разве что если они сами узнают его, поздороваются и напомнят себе. А из всех узнаёт только Володьку — сына Николая. Да, может, сейчас и его не узнает. Года четыре, а то и пять они не виделись. В последний раз Володька Сапрунов приезжал в Тайшетград на похороны матери, и тогда им сильно интересовался участковый милиционер. До обходчика доходили слухи о том, что Володьку подозревали в краже какой-то золотой цепочки. Он в это не верил, но Володьки с той поры не видел.

2.

Невесёлые воспоминания обходчика прервали нарастающий стук колёс и короткий гудок. Навстречу ему из-за поворота вышел красного цвета мотовоз МПТ-4 с подъёмным краном. Обходчик снова отступил на обочину. Из кабины приветливо помахали. Обходчик не успел разглядеть, кто это был. Мотовоз промчался, утягивая с собой две прицепленных к нему платформы со шпалами. На второй платформе сидели несколько рабочих-путейцев.

— Эй, дядя, поехали с нами обратно! Покажешь, где шпалы менять нужно! — крикнул ему молодой паренёк лет двадцати, в красном сигнальном жилете. — Запрыгивай, мы сейчас ход сбавим!

Парень рассмеялся и поднял вверх обе руки. Хотя и было далеко от платформы, но обходчику показалось, что он увидел

на лице паренька, на правой его щеке, мазутный след. Так бывает, когда человек случайно — или не совсем случайно — касается лица грязной промазученной рукавицей-верхонкой. Обходчик улыбнулся и помахал уходящему составу и весёлому чумазому пареньку. Где-то уже он видел этого парня. Он вот так же махал ему и приглашал поехать с бригадой ремонтников.

И обходчик вспомнил, как много-много лет назад, в первые годы его работы на железной дороге, вот так же ехал паровоз с платформой и ремонтниками и чумазый паренёк приглашал его поехать с ними. Ну конечно же, тогда это был совсем другой парень, из другого времени, — кочегар паровоза, а этот — монтёр пути... Но очень они похожи. Может быть, тот, что кричал ему восемь десятков лет назад, был дедом или даже прадедом проехавшего только что.

Мысли обходчика унесли его в начало двадцатого века, в ещё не город, а посёлок Тайшет — маленькую станцию на Транссибирской магистрали, с двумя улицами и только что построенным паровозным депо.

Век двадцатый словно заново промчался перед ним: вот пролегла в месте, где он родился, новая, невиданная доселе в Сибири железнодорожная магистраль; вот прошёл по ней первый паровоз с вагонами; а вот поехали в вагонах на восток солдаты — на войну с Японией; а вот снова на войну, теперь уже на запад — на войну германскую, которую потом назовут Первой мировой; потом будет революция — свергнут царя, и придёт к власти новое правительство; в этот же год, 1917-й, Временное правительство падёт, и страной станут управлять люди, называемые себя большевиками; не всем это понравится, и в 1918 году вспыхнет новая война — Гражданская, которая прокатится по всем городам и весям и коснётся всех; потом будет мирное двадцатилетие, когда страна воспрянет и начнёт строить новые города и заводы, новые железные дороги; но мирную жизнь снова оборвёт война, и хотя она пройдёт далеко от Сибири, от родных мест обходчика, она опять коснётся каждого живущего в стране человека.

Сколько же всего было их, этих войн, на одном только веку двадцатом! Подумать страшно. Но хорошо, что, помимо войн и смертей, были в двадцатом веке и хорошие, радостные события. Сколько их, этих разных событий, случилось в жизни обходчика,

сколько разных людей встретилось ему в течение этого века! И сколько всего поменялось вокруг! Взять хотя бы железную дорогу. Паровозы, тепловозы, электровозы, мотовозы...

Вот этот только что поехавший мотовоз, с краном на кабине, появился года три назад. Три года назад многим казалось, что в стране, и так зажившей неплохо после тяжёлой войны, всё меняется к ещё лучшему. Вот-вот — и это лучшее придёт, и будет всем ещё радостнее, и все люди, пострадавшие за век двадцатый, узнают, наконец, что это такое — счастье, счастливая жизнь. Страной стали руководить новые люди, они объявили перестройку на производстве и в жизни. И многие люди приветствовали изменения. Но прошло немного времени, и вместо перемен к лучшему на производстве начались сокращения рабочих мест. Почти всех пенсионеров уволили, уменьшили число работающих на станции, в службе пути. Работая по новому методу, машинисты электровозов и тепловозов стали выходить на смены без помощников, сократилось число инженеров, мастеров, диспетчеров. Люди в короткий срок были поставлены в непривычные для себя условия, и это незамедлительно сказалось на их работе и общем состоянии. Производительность труда замедлилась, участились аварии на железной дороге. И хотя чрезвычайных происшествий у них на станции не случалось, некоторых машинистов после обследования перед рабочей сменой перестали допускать до работы. На их состоянии сказалось переутомление. Стало хуже и со снабжением: некоторые продукты и товары первой необходимости перестали завозить в магазины совсем, завоз других резко снизился. В стране ввели талонную систему на сахар, масло, водку. То и дело стали возникать среди рабочих, мастеров и инженеров тревожные разговоры, вопросы: а чего ожидать дальше? Люди стали сомневаться в правильности решений руководства, пропала уверенность в завтрашнем дне.

Память обходчика всё чаще возвращала его в послереволюционные годы и годы Гражданской войны, когда у людей не было веры новым властям, и вот снова он не знал, во что верить и наступит ли когда-то обещанное лучшее время.

Лучшее время люди ждали всегда. Сколько помнит обходчик — весь долгий двадцатый век, век, который ещё и не кончился. На дворе стоит осень 1988 года, и до нового столетия ещё более десятка лет. Что принесут они?

3.

Как-то летом, в прекрасный солнечный денёк, на между-
путье обходчик нашёл небольшую книжку, по виду новую,
раскрываемую, видимо, нечасто. Книжка, видимо, выпала из
окна вагона проезжающего поезда.

Обходчик хотя и не часто, но находил на путях разные
предметы. Чаще всего это были расчёски, зубные щётки, но-
ски, мелкие монеты. Попадались иногда полотенца, женские
косынки, шарфы. Дважды он находил на своём участке выпав-
шие с поезда портфели и однажды — большой тяжёлый чемо-
дан. Портфели и чемодан он отнёс и сдал, объяснив, в чём дело,
начальнику вокзала. Искушения открыть и посмотреть, что на-
ходится внутри, он не испытывал и на вопрос людей, находки
принимающих: «А что там?» — он молча пожимал плечами, а
принимающие вещи смотрели на нашедшего их с удивлением.

— Неужели, брат, тебе нисколько даже не интересно было
узнать: а что там внутри было в портфелях этих и в чемодане? —
спрашивала его сестра, когда обходчик рассказывал ей о наход-
ках. — А вдруг там денег много было или какие ценные вещи?

— А мне-то что до них? — спокойно отвечал обходчик. —
Мне они не принадлежат. Я отнёс начальнику, пусть решает,
что делать. Может, объявит по магистрали, и найдут пассажи-
ров, потерявших свои вещи. Вот им радость будет!

Про судьбу портфелей обходчик ничего не узнал, а вот владе-
лец чемодана нашёлся. Им оказался профессор из Новосибирска
по имени Василий Прохорович, лично явившийся за чемоданом.
Он восторженно благодарил начальника вокзала и обходчика,
специально приглашённого для торжественной передачи находки
владельцу. Профессор уверял, что чемодан у него украли в поезде.

— А у меня в чемодане клад, но не все это понимают, — го-
ворил профессор. — Воришка, видимо, рассчитывал на что-то
другое, увидев большой чемодан, а там старинные кухонные
вещи, книги, магнитофонные записи на катушках. Мы это всё
в этнографической экспедиции по ангарским сёлам со сту-
дентами собрали. Увидел вор, что там не то, что ему нужно, и
выбросил в окно чемодан. А вам огромное спасибо, товарищ
дорогой, — обратился он к обходчику, — что вы этот чемодан
подняли, не прошли мимо, и дважды спасибо, что такую тя-
жесть несколько километров несли.

— Да не стоит благодарности, — отвечал ему, смущаясь, обходчик, — ничего особенного я и не сделал. Нашёл и принёс.

— Стоит, стоит! — пожимая ему руку, говорил профессор. — Как же мне вас отблагодарить? Вы читать книги любите?

— Да читаю, когда время у меня есть... Сестра моя тоже любит книжки. Мы вместе живём...

И Василий Прохорович подарил ему книгу под названием «Исторические повести русских писателей-романтиков».

— Я думаю, что она вам и вашей сестре понравится. Там повести об истории Руси. Мы её недавно переиздали у себя в издательстве.

И книга действительно понравилась и ему, и его сестре. Они поочерёдно брали повести вечерами. А иногда он, приходя с обхода, ужинал и ложился на диван, а сестра читала ему вслух про Марфу-посадницу писателя Н. М. Карамзина, Предславу и Добрыню К. Н. Батюшкова, Романа и Ольгу А. А. Бестужева-Марлинского.

Книг и журналов на железнодорожных путях обходчик за время своей работы находил немало. Некоторые сразу относил в библиотеку, расположенную недалеко от вокзала, некоторые сначала читал сам, а потом передавал в библиотеку.

Вот и ту книжку афоризмов «В мире мудрых мыслей» он сначала принёс домой, почитал и некоторые цитаты даже записал себе в блокнот.

Сестры тогда уже не было, и он читал вслух сам себе. Многие выражения из книги он запомнил и, бывало, повторял при случае. И вот сегодня, двадцатого октября 1988 года, в четверг, когда день уже клонился к закату, ему вдруг вспомнилось изречение одного арабского мудреца: «В нашей сегодняшней печали нет ничего горше воспоминаний о нашей вчерашней радости», — и он впервые в жизни почувствовал себя одиноким, никому не нужным человеком. Он как будто увидел себя со стороны: неспешно идущего по шпалам с железнодорожным молотком на плече и сумкой на ремне, старого, сторбленного человека, в оранжевом, давно не стиранном жилете. Холодный октябрьский ветер обдувает его смуглое лицо, треплет бороду, как будто насмехаясь, дёргает её и норовит сорвать фуражку. Он идёт туда, где его никто не ждёт. Идёт по жизни, где ему уже нет места. У него нет будущего, и он живёт только прошлым. Воспоминаниями. И не всегда эти воспоминания

приносят ему радость. Радость его осталась далеко в прошлом, и нет действительно сейчас ничего горше воспоминаний о тех днях, когда радость гостила в его доме.

4.

Обходчик слышал однажды обрывки разговора нового начальника дистанции пути и старшего мастера о новом сокращении на железной дороге. Он сидел в коридоре конторы перед обходом и ждал мастера. Из приоткрытой двери кабинета начальника донеслись до него голоса.

— Такой должности давно нет уже по всей магистрали, да и по сети дорог тоже, скорее всего. Какие пешие обходы отдельных участков? Зачем? Есть же дрезины, автомотрисы. Можно спокойно часа за два-три проехать от вокзала до Бирюсы и вернуться обратно, не торопясь, внимательно осматривая пути. Зачем держать человека специально, который на это затрачивает весь день? Выплачивать ему зарплату? У нас что, денег много? Нет задержек с выплатой? — говорил, вернее, спрашивал старшего мастера молодой начальник.

— Всё это так, конечно, я, в принципе, согласен с вами, но понимаете, этот человек не просто обходчик. Он наш раритет, талисман, история, эпоха, живая визитная наша карточка. Он начинал работать здесь, когда не только нас с вами было на свете, но и родители наши не родились, — отвечал ему старший мастер. — В прошлом году приезжал к нам на станцию начальник дороги, и тогда тоже об этом разговор был. Начальник, узнав про него, подивился и приказал не только оставить его на работе, но и выписать ему премию в размере оклада и ходатайствовать перед министерством путей сообщения о присвоении ему звания почётного железнодорожника...

Обходчик не стал ждать: чем закончится разговор начальника с мастером, а поспешил на свой участок, вполне резонно полагая, что узнает о своей участи позже. Но позже на отдельный разговор его с начальником или старшим мастером никто не пригласил, как приглашали многих ветеранов-железнодорожников, перед тем как отправить их на пенсию, и обходчик понял, что он ещё будет работать.

Да, он помнил, как за год до этого, летом, накануне Дня железнодорожника, приезжал из Иркутска в Тайшетград начальник

Восточно-Сибирской железной дороги. Видел, как его встречали, как сопровождали в поездке по предприятиям руководители отделения дороги. Было потом торжественное собрание в актовом зале отделения, где среди других работников получил обходчик подарок из рук начальника дороги — именные часы, на которых были выгравированы его имя, отчество и фамилия. А после, вместе с очередной зарплатой, выдали ему ещё и премию.

— Это тебе к именным часам добавка! — улыбаясь, сказала ему кассирша. — Купи себе браслет позолоченный, под цвет часов.

Прошло более года, как он невольно подслушал касающийся его разговор в конторе дистанции пути. Его не сократили, но и звания почётного железнодорожника он не получил. А вот часы — подарок от начальника дороги — он носит. Браслет, правда, не купил, посчитав, что ремешок на часах надёжнее.

Если честно, то и сам обходчик, было дело, задумывался ещё задолго до подслушанного им разговора о том, сколько он будет ещё ходить по своему участку и не придёт ли в голову его начальникам отправить его на заслуженный им отдых. То есть, за ненадобностью, на пенсию. Приходило это в голову ему ещё до объявления в стране перестройки. Шёл он как-то однажды мимо западного переезда и увидел, что в трёхквартирном доме, где жил окнами на переезд литовец Иозас, теперь другие хозяева. Остановился он, разговорился с молодым мужчиной, помощником машиниста тепловоза, и его женой, новой дежурной по переезду, узнав от них, что Иозаса отправили на пенсию. Виадук сейчас попеременно подметают рабочие вокзала, а Иозас, оставшись без дела, заболел. И заболел очень сильно, так что не мог встать на ноги. Сначала ходил с трудом, опираясь на палку, потом на костыли, а после слёг совсем. Жена его, Маруся, к тому времени тоже достигла пенсионного возраста. Первое время, как Иозас вышел на пенсию, а после обезножел, она ещё выходила на дежурство на переезде, но мужу становилось всё хуже, и она тоже оформилась на пенсию. Конечно же, ни о каком огороде, ни о каком хозяйстве она уже не помышляла — уставала сильно, ухаживая за мужем, и, видя это, дочь их Наталья перевезла родителей к себе.

— Весь город считал Иозаса незаменимым, сколько лет он работал на виадуке, ещё до моего рождения начал. Все звали его хозяином виадука, и он, наверное, считал, что действительно

незаменим и будет вечно обслуживать виадук, но оказалось, что незаменимых и правда не бывает... — говорил новый хозяин квартиры у переезда по имени Михаил, и его молодая супруга Нина согласно кивала. — Лишили человека смысла его жизни: вставать каждое утро и идти, несмотря на погоду, на работу. Вот он затосковал и заболел...

С тяжёлым сердцем шёл от переезда до дома обходчик. А что, если...

Он не хотел думать про это. Нет! Он не может представить себе, чтобы он не вышел на свой участок хотя бы один раз. Нет! Ему уже казалось, что в его жизни не было такого дня. Детство, юность, жизнь в деревне Баере — это было не с ним. Или с ним, но в далёкой, другой жизни. А в этой — только дорога, рельсы, поезда, откос, ручей, речка Бирюса, железнодорожный мост и дорога обратно. Ничего другого не было и не будет. Это его жизнь, и никто, никто не имеет права отобрать эту его жизнь. Никто!

5.

Подходя к своему дому, обходчик снова вспомнил Володьку Сапрунова. «Жаль, если у него сейчас неприятности... Хороший он парень...» — подумал он.

Обходчик всегда вспоминал бывшего соседа, когда приходил домой. Фигурка железнодорожника, что привёз ему в подарок из Ленинграда Володька, вот уже несколько лет стояла на буфете в кухне. Ингода он брал её в руки, подолу рассматривал и вспоминал.

Вот и сегодня, он, раздевшись у двери, зажёл свет в кухне, подошёл к буфету и глянул на глиняного железнодорожника с флажком в руке.

— Ну что, друг, всё встречаешь и провожаешь? — улыбнулся он фигурке, и на душе у него сразу потеплело.

Ушли прочь мрачные мысли. Он подумал о том, что сейчас приготовит себе ужин, напьётся горячего чаю, согреется, ляжет на диван и будет думать о хорошем. Вспоминать о днях светлых и радостных. И перед тем, как заснёт, обязательно подумает, что дни светлые и радостные ещё будут в его жизни. Не могут не быть.